

зьябание, периодически дополняемое заморским грабежом, сменяется активной хозяйственной деятельностью, включающей морскую торговлю. Такое сочетание нового уклада жизни с влиянием традиций, восходящих к героическому веку, было явлением, ограниченным во времени, свойством особого исторического момента.

Демократизм «Илиады»

Ахилл с самого начала знал, что ему, скорее всего, не суждено вернуться домой из-под Трои. Теперь, потеряв Патрокла, он причитает над телом друга (XIX, 328–333):

*Прежде меня утешала хранимая в сердце надежда,
Что умру я один, далеко от отчизны любезной,
В чуждой троянской земле, а ты возвратишься во Фтию;
Ты, уповал я, мне сына в своем корабле быстролетном
В дом привезешь из Скироса и юноше все там покажешь:
Наше владенье, рабов и высокие кровлей палаты.*

Гомер изображает отца, с гордостью представляющего себе, как близкий ему человек, его alter ego, покажет сыну то, что он оставил ему в наследство. Имей мы дело с другим поэтом, мы уверенно бы заключили, что здесь отражается его собственный опыт, — соответственно опыт богатого человека. Но с поэтом, столь способным к эмпатии, подобное заключение, возможно, окажется обманчивым; может статься, что он передает опыт другого человека. Несомненно, во всяком случае, то, что аристократический этос отнюдь не исчерпывает мироотношение автора «Илиады», а аристократический образ жизни — его социальный кругозор. Поэт не просто вводит своих главных героев в обстоятельства и душевные проявления, свойственные не только героям знатного происхождения, но и всем людям вообще.

Через развернутые сравнения, столь характерные для него, он *наполняет свои поэмы людьми разных званий и судеб*.

Воспользуемся вновь резюме, составленным А. Ф. Лосевым из наблюдений Альбера Северина над гомеровским материалом: «В его сравнениях мы находим: усталого матроса, выбивающегося из сил (Ил., VII, 4–6) и уstraшенного бурей (XV, 624–628); лесоруба за едой (XI, 433–435); пахаря за плугом (Од., XIII, 31–34) или жнецов (Ил., XI, 67–69); мать, что работой кормит детей (XII, 433–435)»⁶⁵.

Понимание ситуаций, обозначенных в этих сравнениях, доступно всем добрым людям, но особенно тем, кто хорошо знает лишения и тяжкий труд. Вывод, что автор «Илиады» числит их среди своей аудитории, кажется неизбежным. Здесь, правда, возникает некоторая трудность. В «Одиссее», где аэды фигурируют неоднократно, мы их неизменно видим выступающими во дворцах. Однако Фемий живет на Итаке сам по себе и появляется в царском доме на пирах женихов только потому, что его к этому принуждают (XXII, 351–353). Слепой Демодок — певец, развлекающий гостей при дворе царя Алкиноя, — живет вне дворца, у себя дома. В качестве обычной предстает ситуация, когда аэд является официальным гостем «народа», т. е. гражданской общины (Од. XVII, 380–386):

*Так, возражая, Евмей свинопас отвечал Антиною:
«Ты, Антиной, неразумное мне и недоброе молвил
Слово теперь. Приглашает ли кто человека чужого
В дом свой без нужды? Лишь тех приглашают,*

кто нужен на дело:

*Или гадателей, или врачей, иль искусников зодчих,
Или певцов, утешающих душу божественным словом, —
Их приглашают с охотою все земнородные люди...*

⁶⁵ Лосев А. Ф. Гомер. С. 107.

В оригинале «нужные на дело» — это «работающие на народ»⁶⁶. Трудно сказать, какого рода контракт «народ» заключал с аэдом (гадателем, врачом или зодчим) и кто конкретно выступал представителем «народа». Странно думать, однако, что аэд, «работающий на народ», выступал лишь перед царями и знатью и никогда — перед собранием множества граждан⁶⁷. Кроме того, аэды были не только певцами-сказителями, но и музыкантами. В «Одиссее» аэд аккомпанирует танцорам на свадьбе во дворце Менелая (IV, 17–19). В «Илиаде» среди сцен, изображенных на щите Ахилла, также появляется аэд, аккомпанирующий танцорам, причем в контексте публичного праздничного ритуала. Стихи — в точности те же, что и в «Одиссее» (II. XVIII, 604–606 = Od. IV, 17–19). Аристарх исключил их как неподлинные, и ему последовало подавляющее большинство древних и новых филологов⁶⁸. В правоте такого решения уверенности нет. Хотя ученость Аристарха не подлежит сомнению, относительно его здравого смысла и общего понимания гомеровской поэзии может быть поставлен большой вопрос. Так, в духе продюсера современного кассового фильма он усматривал «подлинный» финал «Одиссеи» в постельной сцене супругов. Но Гомер не мог опустить занавес, не заверив нас в том, что между Одиссеем и родственниками перебитых им женихов будет достигнуто примирение. В другом случае Аристарх по ханжеским соображениям исключил из «Илиады» стихи IX, 458–461, в которых Феникс говорит о том, что он обдумывал отцеубийство, но отказался от этого плана: что бы ответил Аристарх на вопрос, кто, по его мнению, мог вставить эти строчки? Так или иначе, танцы под

⁶⁶ См.: Андреев Ю. В. К вопросу о происхождении термина «демиург» // Вестник древней истории. 1979. № 2. С. 110–117 = Андреев Ю. В. В ожидании «греческого чуда». С. 378–386.

⁶⁷ К разнообразию положений и ситуаций, в которых аэды предстают в «Одиссее», ср.: Гринцер Н. П. Гомер глазами Гомера // Вестник истории, литературы и искусства. М., 2007. Т. 4. С. 245–257.

⁶⁸ См.: Ермолаева Е. Л. Гомер. Илиада. XVIII песнь «Щит Ахилла». Текст и комментарий. М., 2011. С. 128–129.

музыку сплошь и рядом происходили на открытом воздухе, в месте, доступном для широкой публики. Нет оснований полагать, что декламации эпических песен аэдами непременно происходили в удалении от народа.

В обществе, в котором жил Гомер, знать и «народ» не были разделены пропастью. Троянец Долон назван сыном вестника. В «Илиаде» и «Одиссее» мы видим вестников не только в почетной роли участников посольства, но и в роли людей на посылках (Od. VIII, 399, 418); они готовят пищу для царей (Il. XVIII, 558) и воду для омовения царственных рук (Il. III, 268–270), прислуживают женихам, пирующим в доме Одиссея (Od. I, 143–146). Вестники могут принадлежать и к категории людей, «работающих на народ» (Od. XIX, 135). При всем этом Долон предстает весьма богатым человеком (Il. X, 315, 378–380). В награду за подвиг, который он берется совершить, он требует себе коней Ахилла и получает от Гектора соответствующее обещание. Троянец Полидамант является «человеком из народа». Это не мешает ему, вступая в спор с Гектором, с полным самоуважением отстаивать то, что он считает своим гражданским долгом (Il. XII, 211 sqq.). Знать и «народ» объединяют общие интересы, связанные с общим контролем над территорией, принадлежащей гражданской общине; земельные участки, неравные по величине, равным образом являются для всех (за редким исключением) источником пропитания и богатства. В гомеровском обществе еще нет денег (ускоряющих имущественную дифференциацию), нет и существенных различий в характере образования⁶⁹. Все это делает понятной обращенность гомеровских поэм к аудитории, выходящей за пределы аристократии.

Что же дает сочетание аристократизма с демократизмом? Преодоление ограниченности, соединение экзистенциальной проблематики с пониманием конкретных жизненных условий, возвышенного с реалистическим — словом, социальный и художественный универсализм.

⁶⁹ Ср.: Андреев Ю. В. Гомеровское общество. СПб., 2004. С. 203–213, 264–293.

Установка на моральное воздействие

Автор «Илиады» обнаруживает нечто большее, нежели способность вживаться в чужие ситуации и проникаться сочувствием к тем, кого он описывает. Мы можем открыть у него и осознанное стремление передать это сочувствие нам.

Задержимся на одном из его развернутых сравнений. Оно иллюстрирует равновесие в битве между ахейцами и троянцами (XII, 432–436):

...держались

*Ровно они, как весы у жены, рукодельницы честной,
Если, держа коромысло и чаши заботно равняя,
Весит волну, чтоб детям промыслить хоть скудную плату, —
Так равновесно стояла и брань и сражение воинств...*

Гомер представляет нам «честную женщину, живущую трудами своих рук» — по-видимому вдову, которой пришлось взять на себя заботу о детях. Здесь примечательно сразу несколько вещей: краткость и емкость, с которыми поэт выстраивает целую жизненную ситуацию; то, что перед нами в зародыше, можно сказать, — социальный роман XIX в.; и особенно примечательно само появление такой сцены в контексте «Илиады». Ведь, казалось бы, его аудитории — будь то благородные господа или рядовые люди — не должно быть никакого дела до бедной, безвестной женщины. Поэт тем не менее говорит то, что считает нужным. По-видимому, он чувствует, что слава его незыблема. По-видимому, он рассчитывает вызвать у многих внутренний отклик и одобрение — ведь причины, по которым люди оказываются в трудных ситуациях, разные, а результат сходен.

Пример с честной вдовой не единственный. Вот история скромного земледельца, чьи труды уничтожены стихийным бедствием (II. XVII, 53–58):

*Словно как маслина древо, которое муж возделал
В уединении, где искипает ручей многоводный,*

*Пышно кругом разрастается; зыблют ее, прохладая,
Все тиховейные ветры, покрытую цветом серебристым;
Но незапная буря, нашедшая с вихрем могучим,
С корнем из ямины рвет и по черной земле простирает...*

Здесь нечто большее, чем эмпатия или проявление избытка творческих сил. Лани, львы или рухнувшие деревья, появляющиеся в гомеровских сравнениях и вызывающие его сочувствие, отчасти подсказаны поэтической традицией, культивировавшей яркие сравнения, отчасти — самим предметом сравнения: битва, борьба, преследование, гибель. Конечно, наш поэт подобен танцору, демонстрирующему каскад сложнейших прыжков. Он любит развернутые сравнения, он мастер и чемпион. Его поэтическая изобретательность и свобода позволяют сравнить могучего, но вынужденного отступить Аякса с ослом, которого дети выгоняют с пашни⁷⁰, а грандиозные укрепления, воздвигнутые ахейцами, — с замком на песке, детской забавой⁷¹. И все же нас не удивляет аналогия между павшим воином и вырванным с корнем деревом, но нас поражает эпический поэт, прибавляющий, что дерево было заботливо выращено земледельцем. С чем еще сравнивать колеблющееся равновесие

⁷⁰ II, XI, 558–565:

*Словно осел, забредший на ниву, детей побеждает,
Медленный; много их палок на ребрах его сокрушилось;
Щиплет он, ходя, высокую пашню, а резвые дети
Палками вокруг его бьют, — но ничтожна их детская сила;
Только тогда, как насытится пашней, с трудом выгоняют, —
Так Теламонова сына, великого мужа Аякса,
Множество гордых троян и союзников их дальнеземных,
Копьями в щит поражая, с побоища пламенно гнали.*

⁷¹ II, XV, 361–365:

*Так же легко, как играющий отрок песок возле моря,
Если когда из песку он детскую сделал забаву,
Снова ее рукой и ногой рассыпает, резвяся:
Так, Аполлон дальномечущий, ты и великий и тяжкий
Труд рассыпал ахейн и предал их бледному бегству.*

в битве, как не с готовыми застыть на одном уровне чашами весов? Но этот естественный (хоть и нетривиальный) поэтический ход неожиданно дополняется образом рукодельницы, добывающей скромное пропитание своим детям. Такие замечания выдают очень особый склад ума⁷². И еще: ни разъяренного, ни скулящего льва поэт, скорее всего, никогда не видел, а вот крестьянина, чьи надежды на урожай рухнули, или бедную женщину, меняющую шерсть на хлеб, — встречал. Одни сравнения идут из традиции и натренированного поэтического воображения, другие, хоть и с участием последнего, приходят из жизни. Очевидно, поэт стремился к тому, чтобы оказать на слушателей определенное моральное воздействие. Он *намеренно обращается к нашей способности сочувствовать*, поддерживает и воспитывает ее.

Автор «Илиады», разумеется, не похож на резонера. Он пользуется преимущественно изобразительными, а не дидактическими средствами. Он чувствует, что воспитание способности к сопереживанию и состраданию действеннее, чем усвоение отдельного предписания вроде необходимо-

⁷² Уподобление павшего воина рухнувшему (чаще всего срубленному) дереву используется в «Илиаде» многократно: IV, 482–487; V, 560; XIII, 178–180; XIII, 389–391 = XVI, 482–484; XIV, 413–417 (см. также: *Rood N. Craft Similes and the Construction of Heroes in the Iliad* // *Harvard Studies of Classical Philology*. 2008. Vol. 104. P. 19–43, esp. 24–29). Можно думать, что сама идея пришла из традиции, однако отступление о земледельце, потерявшем дерево, за которым он ухаживал, является единственным в своем роде — как и образ тополя, который «лежит и сохнет на высоком речном берегу» (IV, 487), в развернутом сравнении, приведенном нами в разделе о гомеровской эмпатии. Для иллюстрации равновесия в битве в «Илиаде» находится по крайней мере еще одно сравнение (XV, 409–412):

*Словно правильный шнур корабельное дерево ровняет
Зодчего умного в длани, который художества мудрость
Всю хорошо понимает, воспитанник мудрой Афины, —
Так между ними борьба и сражение ровные были.*

Приведенные строчки лишь помогают почувствовать, сколь удивительным и выразительным является образ честной рукодельницы в другом сравнении.

сти обуздывать гнев. Да и не положено эпическому поэту говорить от собственного имени. В тех редких случаях, когда Гомер считает необходимым выступить с моральными заповедями, он отдает их подходящим персонажам — как, например, Нестору (IX, 63–64):

*Тот беззаконен, безроден, скиталец бездомный на свете,
Кто междусобную брань, человекам ужасную, любит! —*

или Одиссею (XIX, 181–183):

*Ты, Агамемнон могучий, вперед и к другому ахейцу
Сам справедливее будь: унижения нет властелину
С мужем искать примиренья, которого сам оскорбил он.*

В уста Полидаманта поэт вкладывает принцип, согласно которому гражданин и в совете, и на поле брани должен говорить правду, а не умножать власть первого лица (XII, 211–214), и опять же устами Одиссея высказывается вызвавшее много споров утверждение: «нет в многовластии блага» (II, 204).

В стремлении к моральному воздействию можно усмотреть черту эпохи. Отчетливей всего оно выражено в «Трудах и днях» Гесиода, но и Архилох обнаруживает его и в стихах о богатом властителе Гигесе, к которому поэт не питает зависти, и в стихах о брошенном щите, и во многих других, когда он вступает в прямую или подразумеваемую полемику с расхожими представлениями. Установка на моральное воздействие явным образом присутствует в элегиях Каллина и Тиртея, но эти поэты служат рупором общих патриотических принципов, тогда как Гомер, Гесиод и Архилох выступают с личных позиций. Такой тип творчества совсем не историческая универсалия. Публичное выражение своего мировоззрения требует определенных условий и обстоятельств. В мире, где торжествует грубая сила, — это дело праздное. В мире, где все люди одинаковые, такое никому не придет в голову. Моральное воздействие уместно

в условиях динамичного общества, состоящего из свободных людей, способных корректировать свои представления и поступки.

Поскольку повествование в «Илиаде» формально опирается на авторитет Муз как единственный источник знания о давно минувших временах (II, 484–493, 761; XI, 218; XIV, 503; XVI, 112), в распоряжении ее автора оказывались лишь косвенные средства морального воздействия. Мы видели, что среди них он иногда выбирал простые, отдавая важную сентенцию подходящему персонажу, иногда — более тонкие, используя развернутые сравнения. В дальнейшем мы увидим проявление этого начала и в разработке характеров, построении действия, композиции⁷³.

⁷³ Тактичность Гомера и характер избранных им средств способствовали трудностям интерпретации. Многие ученые чувствовали в гомеровских поэмах стремление воздействовать на наши сердца и умы. Пытаясь указать на это явление, эти ученые, однако, неправомерно описывали его как дидактичность, против чего другие ученые обоснованно возражали.